

„Въ мірѣ скорбни будете“.

(Іоан. 16, 33).

Какихъ нападокъ не приходится слышать духовенству въ нынѣшнее время, какихъ упрековъ горькихъ, дерзкихъ и несправедливыхъ не приходится переносить ему! Упрекають въ бездѣятельности, отсталости, грубости невѣжествѣ и, вообще бросаютъ грязью съ какой угодно стороны. Признаться, все это такъ не ново и обыкновенно, что и духовенство, тихо и молчаливо дѣлающее свое дѣло, мало обращаетъ вниманія на эти злостные крики. Но есть выходки дѣйствительно возмутительныя, которыя больно жгутъ по сердцу, волнуютъ душу, и нѣтъ силъ спокойно ихъ перенести. На дняхъ мнѣ случайно подвернулся одинъ номеръ «Симбирскихъ Вѣстей» (№ 107-й). И вотъ, на его послѣдней страницѣ помѣщена статейка, которая начинается такими словами: „Намъ рассказываютъ одну сценку, не лишнюю интереса въ томъ отношеніи, что она превосходно обрисовываетъ весь нашъ школьный строй, ввѣренный рукамъ духовенства, растлѣвающее вліяніе котораго особенно сильно именно въ школѣ.“ Я не буду передавать безцеремонно измышленной сценки, достаточно поражаетъ и эта мысль: что духовенство (вообще) растлѣвающее вліяетъ на народъ. Боже мой! Только этого еще не слышали! Мы, проповѣдающіе миръ и любовь ко всѣмъ и проводящіе въ жизнь людей чудные Евангельскіе завѣты,—слышимъ такое гнустное обвиненіе! Мы, за утѣшеніемъ къ которымъ идутъ изнемогшіе и обезсиленные жизненной борьбой, предъ которыми рыдаютъ обремененные грѣхами и несутъ лучшія чувства всѣ истинные христіане нашихъ дней,—забрасываемся такимъ позоромъ!

Тяжело мнѣ стало, когда я прочелъ вышеприведенныя строки, и невольно подумалось мнѣ: гдѣ корень всѣхъ этихъ злорѣчій и нападокъ на служителей алтаря Господня, почему современное общество, такъ называемой, интеллигенціи закрываетъ глаза и уши на все то доброе и хорошее, что считается за духовенствомъ, и клеймитъ его всякимъ незаслуженнымъ позоромъ? И когда эти вопросы поднялись въ моей головѣ, предъ моимъ умственнымъ взоромъ проходила вся, окрашенная грустью и горемъ, жизнь служителя Божія и спутника народныхъ страданій. По какому пути жизни пастыря ни скользила моя мысль, всюду я замѣчалъ, что и тамъ и здѣсь, во всѣхъ направленіяхъ, разбросаны камни и шипы различныхъ бѣдъ, огорченій и страданій, и страданія эти не случайны, а какой-то общій неизбежный удѣлъ всѣхъ, шествующихъ на этомъ пути пастырства. Трудный въ своемъ началѣ и продолженіи, этотъ путь становится особенно труднымъ въ настоящее бурное время, когда мракъ невѣрія и всякаго рода сомнѣній окуталъ все окружающее, когда для вѣрующихъ наступило время огненного искушенія ихъ вѣры и любви, когда зло и неправда такъ высоко подняли свое знамя и такъ властно царятъ „надъ омытой слезами землею.“ Среди безпросвѣтнаго мрака невѣрія, среди ужасовъ зла и пороковъ, въ стонѣ горя и разнаго рода лишеній, въ рѣзкихъ звукахъ нападковъ и всевозможныхъ злорѣчій,—чѣмъ успокоишь ты, пастырь, скорбную, наболѣвшую душу твою? Что вдохновитъ тебя, что упокоитъ, что поддержитъ въ тебѣ силу въ твоей трудной борьбѣ?—И вспоминается Евангельская исторія о тайной вечери, слышится послѣдняя рѣчь Спасителя къ апостоламъ, этимъ первымъ пастырямъ Церкви Христовой, а въ концѣ ея и грустно-трогательное предвѣстіе: „въ мирѣ скорбни будете“ (Іоан. 16, 33). И вотъ, непреложная истина этихъ словъ со всей своей очевидностью проходитъ чрезъ весь періодъ христіанской исторіи: пастыри и вѣка апостольскаго, и всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ были добровольными мучениками, мучениками въ полномъ и буквальномъ смыслѣ слова, и одухотворенными страдальцами за великую и святую идею пастырства. Отсюда не есть-ли пастырство добровольное мученичество, если ему отъ Самого Пастыреначальника предсказано, что путь его не есть путь довольства и покоя, а путь страданія и скорбей?—Да, отъ начала и до конца оно есть добровольное мученичество. Призванный Самимъ Богомъ къ такому высокому служенію,

взявши на себя отвѣтственность за врученное ему стадо, пастырь въ глубинѣ своей совѣсти вѣчно полонъ мукъ и тревоги, всегда скорбитъ за членовъ своего стада, которые блуждаютъ „далече, въ горахъ.“ Кто пойметъ эти муки, кто облегчить хоть часть этихъ скрытыхъ, невѣдомыхъ міру страданій? Съ сердцемъ, полнымъ огненныхъ мукъ, видитъ пастырь, какъ иногда овцы стада не слушаютъ гласа его и идутъ за громкими рѣчами другихъ непризванныхъ учителей. А нынѣ имя имъ легіонъ... И люди толпами идутъ, за ними, ищутъ какого-то новаго счастья внѣ жизни во Христѣ, ищутъ и не находятъ, и, обманутые въ своихъ ложныхъ упованіяхъ, гибнутъ со злобой и проклятіями, гибнутъ, потерянные для Царства Божія. Глухо рыдаетъ душа пастыря. Въ трепетѣ дерзаетъ она на послѣднее утѣшительное средство—молитву: Боже, прости имъ, не вѣдаютъ бо, что творять!..

Все это, такъ сказать, тайныя, невѣдомыя и непонятныя міру страданія, съ ними вѣдается только душа пастыря, и всю глубину ихъ знаетъ только одинъ Богъ. Это общій удѣлъ всякаго священника, потому что въ основѣ пастырства непремѣнно должна быть любовь къ тѣмъ, которыхъ вручилъ ему Господь, и эти страданія за душу погибшую, эта вѣчная тревога за цѣлость своего стада—все это сводится къ одному вѣчному безконечно—великому началу, которому имя—любовь... Но вотъ предъ нашимъ воображеніемъ проносится во всѣхъ своихъ подробностяхъ картина жизни пастыря сельскаго, и эта картина, которая у всѣхъ на глазахъ, еще болѣе, еще сильнѣе и нагляднѣе подтверждаетъ положенную нами въ основѣ мысль о добровольномъ мученичествѣ пастырства и его неизбѣжныхъ страданійхъ.

Полный идеальныхъ стремленій, проникнутый святымъ желаніемъ беззавѣтно послужить родинѣ и ея простому народу, является пастырь на мѣсто своего служенія, часто совершенно не вѣдая, что за паства выпала на его долю, какими печальми болѣетъ она, и каково будетъ первое привѣтствіе къ нему, пришедшему въ мирѣ и любви? Часто, въ силу какихъ—либо ненормальностей въ приходской жизни, партійности и отсутствія единодушія, новому пастырю приходится въ самомъ началѣ своей дѣятельности быть объектомъ разныхъ нападковъ и претензій. Кто не знаетъ т. н. кулаковъ, міроѣдовъ и разнаго рода деревенскихъ заправиль, которые иногда очень мало церемонятся

съ нашимъ братомъ—священникомъ? Какихъ трудовъ иногда стоить водворить въ приходѣ общій миръ и согласіе, чтобы было «едино стадо и единъ пастырь»; сколько незримыхъ слезъ прольется, сколько бессонныхъ ночей проведетъ пастырь, задумываясь надъ часто непонятными причинами вражды и злобы людской! Но и въ подобныхъ трудныхъ минутахъ жизни своей онъ ищетъ утѣшенія все въ той же великой, всепобѣждающей силѣ молитвы, и эта молитва часто не только укрѣпляетъ его, но и творитъ чудеса. Да именно творитъ чудеса!... Одинъ служитель церкви Божіей повѣдывалъ мнѣ, какъ былъ у него въ приходѣ человекъ страшно злобный и вредный, который почему то съ самаго начала не возлюбилъ своего «батюшку» и не пропускалъ ни одного случая, чтобы не сдѣлать ему зла. «Одинъ разъ, говорилъ священникъ, пришла мнѣ мысль помолиться за его озлобленную душу, и я сталъ молиться». И что же? Божественная благодать коснулась сердца его: и по мѣрѣ того, какъ усугублялась молитва, таяла злоба въ душѣ его, зародились добрыя отношенія и, наконецъ, совсѣмъ сдѣлались дружескими. И подобная глухая вражда къ новому пастырю въ приходѣ явленіе почти обыкновенное и частое; и при всей своей мелочности, какъ она бываетъ тяжела и какъ много силъ уходитъ на ея искорененіе!

«Но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ» (Іоан. 16, 33) Это ободряющее «дерзайте», сказанное апостоламъ на той же вечери, гдѣ раздалось предъ ними грустное предвѣстіе о грядущихъ страданіяхъ, съ такою отрадою вспоминается всегда въ трудныя минуты жизни пастыря. И вспоминается жизнь Самого Пастыреначальника, которая отъ начала до конца была непрерывнымъ терпѣніемъ, смиреніемъ и добровольнымъ страданіемъ; таетъ въ душѣ горькое чувство обиды, рождаются свѣтлыя надежды на лучшее будущее, и крѣпнетъ вѣра въ чистоту и святость принятаго великаго дѣла...

А спутникъ предсказанныхъ Спасителемъ бѣдъ и скорбей снова идетъ съ пастыремъ на всемъ пути его пастырскаго дѣланія, лицомъ къ лицу становится онъ съ дѣйствительною жизнью народа, знакомится воочию съ его разнообразнымъ горемъ и беспросвѣтною нуждою. И разъ душа пастыря сливается съ душою его народа, то всѣ печали послѣдняго, его радости и горе, какъ въ зеркалѣ, отражаются въ любящей душѣ его. Можно-ли, на примѣръ, равнодушно смотрѣть на засыхающія

отъ засухи нивы крестьянина, когда признаки голода вырываютъ глубокіе вздохи изъ его измученной груди? Можно—ли быть спокойнымъ и холоднымъ пастырю, когда на его глазахъ и въ его присутствіи умираетъ единственный кормилецъ семьи, около котораго стоять, обливаясь слезами, его дѣти—крошки и обезумѣвшая отъ горя жена? И эти картины и тысячи подобныхъ имъ проходятъ предъ глазами пастыря, жгутъ, рѣжутъ его сердце, заставляютъ его итти въ самый пылъ жизненной драмы и нести туда слово благодатнаго утѣшенія. Къ нему приходятъ съ горемъ, предъ нимъ рыдаютъ обремененные грѣхами, къ нему простираютъ руки угнетаемые,—и вся эта масса страданій должна находить отзвукъ въ душѣ пастыря, иначе, безъ любви къ этимъ страданіямъ, вся его дѣятельность, всѣ его слова и утѣшенія будутъ ложью, кимваломъ звенящимъ, потому что если «любви не имѣю, то я ничто» (I Кор. 13, 2).—Мы не будемъ говорить о скорби и всѣхъ подробностяхъ внѣшней жизни пастыря (сельскаго), о его борьбѣ за насущный кусокъ хлѣба, объ унижительномъ способѣ собиранія «доброхотныхъ даваній» и о тѣхъ нравственныхъ мукахъ, которыя переживаются при этомъ,—все это, кажется, у всѣхъ на глазахъ, и каждому понятно, но въ общей чашѣ жизненныхъ скорбей и эта капля не малая.

Итакъ, слова Спасителя: «въ мірѣ скорбни будете» (Іоан. 16, 33) исполняются на пастыряхъ церкви отъ начала до конца. «Но дерзайте, восклицаетъ Спаситель, Азь побѣдихъ міръ!» Дерзайте, пастыри, какъ—бы такъ восклицаетъ Спаситель, мужайтесь, будьте тверды на своемъ славномъ посту! Терпите въ бѣдствіяхъ, не унывайте въ гоненіяхъ, молитесь за своихъ притѣснителей и не щадите силъ своихъ для пользы „меньшей братіи“, потому что больше той любви нѣтъ, да кто душу свою положитъ за други своя! И дѣйствительно, въ этомъ „могучемъ, ободряющемъ «дерзайте» тонуть всѣ скорби пастыря, его огорченія и душевныя муки, такъ что никакія бури жизни не въ силахъ поколебать истиннаго служителя Божія, пошатнуть его волю и разбить въ немъ любовь къ его святому дѣлу, потому что на любви оно начинается и любовью живетъ въ всемъ своемъ продолженіи, вдохновляя на предлежащій ему подвигъ скорбей.

Я кончилъ. Улеглась острая боль въ душѣ, воспрянулъ смущенный духъ и снова окрѣпли упавшія силы. Ясно, что стра-

данья—удѣлъ пастыря, подвигъ его—добровольное мученичество, а оскорбленія и гоненія ему предсказаны Самимъ Спасителемъ. Пусть насъ поносятъ,—мы будемъ терпѣть; пусть насъ злословятъ имя наше,—мы будемъ радоваться; пусть насъ ненавидятъ и клануть,—мы будемъ молиться за нихъ! Да, вотъ почему названы блаженными тѣ, которые гонимы за правду, потому что самое сознание правоты своего дѣла и незаслуженности гоненія за него есть источникъ радости и блаженства.

И будемъ трудиться, будемъ терпѣть и будемъ молиться!

Свящ. *Сергій Петровскій*.

Духовенство и его быть по изображенію свѣтской печати.

(Продолженіе).

3.

Горизонтъ разсказа «Страна отцовъ» того же автора гораздо шире. Фонъ разсказа составляетъ борьба пролетаріата съ капиталомъ. Крестьянскія земли переходятъ къ кулакамъ. Объединяшіе крестьяне идутъ на фабрики, построенные тѣми-же кулаками. Народное недовольство начинаетъ просыпаться и даетъ о себѣ знать аграрными и фабричными волненіями, для усмиренія которыхъ властями принимаются внѣшнія, полицейскія мѣры. На этомъ фонѣ разыгрывается душевная драма сельскаго священника о. Ивана Гонибѣсова, главнаго героя разсказа, и содержаніе самаго ядра разсказа составляетъ поѣздка о. Ивана въ губернскій городъ. Жена молодого сельскаго священника о. Матвѣя, Павлинька, не поладивъ съ мужемъ, уѣзжаетъ отъ него къ отцу, въ губернскій городъ. По просьбѣ о. Матвѣя, другъ дѣтства Павлиньки, сельскій же священникъ, о. Иванъ Гонибѣсовъ, отправляется съ нимъ туда же, чтобы уговорить Павлиньку вернуться къ мужу. Это удается о. Ивану, и ему остается только вернуться съ о. Матвѣемъ и его женою домой. Но прежде чѣмъ уѣхать, имъ приходится стать свидѣтелями совершающихся въ городѣ событій. А событія совершаются нешуточные. Въ городѣ, полномъ фабриками, начинается всеобщая забастовка фабричныхъ рабочихъ и волненія. Въ числѣ руководителей движенія находится между прочимъ родная дочь одного изъ крупнѣйшихъ мѣстныхъ кулаковъ и фабрикантовъ Широкозадова, молодая дѣвушка, недавно кончившая гимназію. Въ это же время въ городѣ